

Pergler T. I. Approval priority healthy lifestyle.

The problem of a healthy lifestyle is seen as a requirement to implement the human right to preserve their own health, the author argues that in order to achieve this, man must be formed three things: environmental knowledge, attitudes and culture, consciousness must occur at a constant evaluation of the possible consequences of intervention in nature as the current and future, a decisive role is played by education, by pedagogical-educational technologies should inculcate the younger generation ideological value of being environmentally friendly and healthy way of life, including as targets for nation-building and state.

Keywords: people, culture, environment, healthy living and the state.

Шедяков В. Е.

**СТРАТЕГИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ И РЕСУРСНАЯ БАЗА ДАЛЬНЕЙШЕГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Проанализированы тенденции дальнейшего совершенствования управленческих композиций под влиянием изменений в стратегии выбора, следовательно, перспектив и угроз системного и кризисного менеджмента. Охарактеризованы роль и возможности стратегий в контексте процессов модернизации Украины. Рассмотрены актуальные вопросы организации и стимулирования желательных изменений.

Ключевые слова: стратегия, решение, выбор, управление, информационное влияние.

Эффективное использование изменчивых методологии и ресурсной базы стратегического управления требует постоянного внимания к трансформациям как содержания регулятивной деятельности, так и условий ее осуществления. Тезис о конце истории может вызывать лишь улыбку: завершение одних стратегий – начало новых [1-7]. Напротив, повторяемость логик исторических сюжетов, с одной стороны, позволяет проследить зависимость результатов от условий осуществления и особенностей действий, а, с другой, – ведет к констатации соединения элементов циклично-волнообразных и необратимых (прогрессивных / регрессивных), что позволяет уточнять инструментарий воздействия [8-10]. При этом, разумеется, средства воздействия существенно трансформируют дерево целей, формируя кластеры позитивных и негативных рисков [11, 130-197, 252, 293].

Отказ же от своих стратегий обрекает на утрату субъектности и превращение в объект стратегий чужих, следовательно, на отчуждение от собственных смыслов и ценностей и внешнюю эксплуатацию. Вместе с тем, зачастую, важно уметь не пытаться навязывать свое, а делать его привлекательным, используя чужое для защиты своих интересов. Углубление и расширение масштабов разнообразных аспектов всеобщего кризиса: социального, финансового, производственного и проч. – становится важнейшим условием продления жизнедеятельности западно-христианской цивилизации в ее (пост)современной общественно-исторической форме. Соответственно, цена сохранения этой модели – распространение кризиса. Вместе с тем, возможности постмодерна отнюдь не исчерпываются угрозами контрмодерна, хоть и могут сорваться в них, в частности – из-за ошибочности сочетания стратегии, тактики и оперативного искусства трансформаций [12, 87; см., также, 13-15]. Исчерпание линейной логики западного доминирования усиливает ризомические процессы. Впрочем, альтернативный привычному характер их природы порой интерпретируется как всего лишь парадоксальность восприятия.

Причем стрела истории летит все быстрее: трансформации все стремительнее. И именно периоды максимального нарастания разгула не только природных, но и социальных стихий содержат потенциал катастрофического слома равновесия и разрушения гармонического состояния баланса. Угасание же важнейших признаков социальности коррелирует с назреванием социальных катаклизмов стратегического значения (по некоторым наблюдениям, тесно связанных с природными – см. работы последователей идей А. Чижевского).

Между тем, представления о составных элементах стратегии, а также влияющих на них факторов создаются издревле. От известных мудрецов, вероучителей и военачальников прошлых эпох остались своды правил и трактовок принятия и осуществления выбора, реализации решений. Продолжают формироваться воззрения относительно субъектно-объектных, процессуальных, функциональных и др. характеристик, путей учета их особенностей для оптимизации достижения намеченного результата в соотношении мер системного и кризисного менеджмента. Выявляются их отличия в сопоставлении с тактикой и оперативным искусством. Уточняется специфика применения в разных сферах деятельности. Рассматривается соотношение элементов науки, искусства и ремесла, наложение закономерного и случайного, диапазон подходов, учитывающих характеристики процессов управляемых,

самоуправляемых и неуправляемых, а также ограничений, накладываемых условиями игры с нулевым либо ненулевым результатом.

Вместе с тем, каждая эпоха накладывает свои черты, в том числе предоставляя новые возможности для футуродиагностики, создавая новые угрозы и смещая акценты. Например, если внешним образом, основания Real Politik и рассмотрения ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров противоположны и взаимодополняемы как объективные и субъективные пласты изучения логики общественных изменений, то при использовании методологий мягкой силы, не прямых действий, гибкой власти именно опора на ценностно-смысловые комплексы и позволяет достигать поставленных задач, используя не только рациональные, но и иррациональные средства, обходя ловушки критицизма, эффективно интегрируя в составляемых управленческих композициях качественно различные ресурсные базы и подходы. Соответственно, формируется запрос практики на новое прочтение стратегий в наших условиях, их инноватики, укорененной в традициях, а также уточнение соотношения рисков сохранения и развития [16-21].

В частности, целью статьи является уточнение специфики методологии и ресурсной базы стратегии постсовременных взаимодействий, создающее основание для дальнейшего совершенствования управленческих композиций: никакие популярные правила не дают гарантии автоматизма их действия и эффективного результата использования в нашей текучей реальности (по выражению З. Баумана). Напротив, успех венчает усилия, которые становятся «адаптацией» подходов к конкретным условиям, базируются как на правилах, так и на отступлениях от общего контекста. Соответственно, часто выигрыш – следствие именно нарушения искусственных ограничений и творческого использования конкретной специфики обстоятельств противоборства. Так что критично важным становится отслеживание динамики методологии и в отступлении от всеобщего к своеобразному [22-31].

Калейдоскоп событий складывается в разнообразные узоры, однако – по правилам, где даже отступление от них – тоже вписывается в более общий подход к решению проблемы, а в суете повседневности проступают фундаментальные контуры миропорядка. В этом – мудрость стратагем от Древнего Китая и Византии до постсовременного информационного противоборства. Однако, как любил повторять Гегель, мудрость приходит только со временем; «сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек».

Ныне на формирование успешных стратегий оказывают существенное воздействие наложение процессов информатизации и повышения роли Интернета (в частности, социальных сетей), постмодернизации, размывания национального суверенитета глобализацией и регионализацией, сочетания интеллектуализации и стандартизации восприятия и т. п. Соответственно, сегодня, при актуализации задач обеспечения информационного суверенитета и ограждения от информационных путей вмешательства во внутренние дела народа, повышении роли социально-информационных ресурсов упрочения своих конкурентных позиций и предотвращения использования информационной сферы для дестабилизации жизнедеятельности страны именно особенности взаимодействий стратегического уровня во многом определяются стратегией информационных влияний. Стратегия использования при этом именно информационной сферы тоже формируется издавна – например, существенные ее положения изложены еще в трактате Сунь-Цзи «Искусство войны», активно разрабатываются стратегами Византии. Позднее они развивались многочисленными теоретиками, в частности А. А. Брусиловым, А. В. Горбатовым, К. Клаузевицем, Г. Леером, Х. Мольтке, А. А. Свечиным, А. Е. Снесаревым и др.

Новый импульс теория и практика использования информационного обмена для достижения своих стратегических целей получили с расширением ресурсной базы во времена бинарного стратегического противостояния времен холодной войны. Повлиять на последующее развитие концепции сумели и достижения Э. Бернейза (основатель теории PR), Б. Л. Гарга (стратегия непрямых действий), В. Липпмана (общественное мнение), М. Мак-Лугана (мировое село), С. Каннингема (теория пропаганды), Э. Ноэльль-Нойманн (спираль молчания).

В нынешних условиях разновидности теории применения информационного обмена в целях конкуренции макрорегионов представляют Дж. Арквилла и Д. Ронфельдт (использование горизонтальных коммуникаций и сетевых структур), Р. Мак-Чесни (влияние концентрации СМИ на систему демократии), Э. Аронсон и Э. Пратканис (психология социальных влияний), Дж. Най (мягкая сила), М. Кунцик (манипуляция сознанием в СМИ), Х. М. Кепплингер (влияние СМИ на формирование общественного мнения), В. Донсбах (теория медиадемократии), В. Фаркаш (модели формирования и применения политических мифов), Х. Лейбенштейн (эффект присоединения к большинству: эффект сноба и эффект Веблена), Д. А. Леонтьев (методика предельных смыслов), С. Г. Кара-Мурза,

И. Н. Панарин, А. А. Кокошин, В. С. Катькало (выработка контрманипулятивной стратегии информпротивоборства), С. Н. Гриняев (войны в киберпространстве), Н. Л. Волковский (история информационных столкновений), К. С. Гаджиев, О. П. Горбушина (имиджелогия и PR) и др. Достаточно известные формами научного осмысления информационного воздействия стали концепции подкожной иглы (Hypodermic needle), потребностей и удовлетворения (Uses & Gratifications), установления повестки дня (Agenda Setting), избирательного восприятия, обратного воздействия на формирование повестки дня (Reverse Agenda Setting).

Сегодня в мире продолжается освоение разнообразных подходов, связанных с исследованием методологии изучения и воздействия, развитием представлений о диапазоне ее продуктивного применения, в том числе – в информационной сфере. В частности, методологические и теоретические основания нынешнего состояния и динамики методологии анализа и воздействия заложены принципами информационного влияния в сетевой среде и интерпретациями научных школ З. Баумана, В. Вельша, Ф. Гуаттари, Ж. Дерриды, И. Джохадзе, А. Этциони, Ж.-Ф. Лиотара, М. Кастельса, П. Козловски и т. п., а также анализом места традиций, свободы и конкуренции в человеческом обществе, проведенным Ф. А. фон Хайеком, Л. фон Мизесом и К. Поппером, плодотворными идеями «кибернетики второго порядка» в интерпретациях школ Р. Эшби, С. Бира, У. Маккалока, Г. фон Ферстера. Нарботки этих авторов существенно расширяют на уровне борьбы смыслов возможности выбора и планирования информационных воздействий при разработке и осуществлении сценариев информационного соперничества, стратегии и тактики информационных воздействий [32-44]. Вместе с тем, наиболее продуктивным в наличной социальной среде становится не жесткая ориентация на доминирование определенного подхода, а гибкое комбинирование и синтез самых разнообразных вариантов стилей без преобладания какого-либо из них.

Так, научной методологией обоснована неэффективность для принятия и осуществления стратегий «разорванного» получения знаний о ситуации, когда ее разные стороны изучаются изолированно одна от другой, а теоретический синтез для создания общего представления на основе полученных по отдельности знаний о нем откладывается на время после осмысления и систематизации аналитиком [45-51]. Следовательно, необходимо изменить традиционный подход научных исследований и требования к обработке и организации полученного стратегического уровня знания.

Причем методы, развитые в одной сфере деятельности, могут эффективно применяться в совсем другой: существует множество форм рациональности, которые не сводятся друг к другу. Применение же в подготовке и осуществлении управленческих композиций научной методологии позволяет отделить главное от второстепенного, закономерное от случайного, обеспечивая верное понимание сути процессов и тенденций, а также точную оценку возможности воздействия на них с прогнозируемым результатом. Напротив, «простенькая» наука результативной может оказаться лишь ситуационно, сбиваясь на общеизвестные факты и предлагая незамысловатые стратегии. Следовательно, большое значение для проведения стратегического анализа имеет организация мышления, его настройка на операционном, наглядном, и собственно рефлексии уровнях. Рефлексия как осмысление субъектом собственной поисковой активности является основой зрелой методологии. Именно кардинальная разница между сознанием научным (рефлексивным) и разнообразными вариантами донаучного позволяет реагировать на причины явлений и на процессы, а не их проявления. Основными ориентирами здесь выступают три уровня существования: прошлое (предыдущие состояния), будущее (направление развития) и настоящее (функционирование), которое предстает постоянно переменным моментом между прошлым и будущим.

Как известно, информация – это и осведомленность, и возможность заблаговременного анализа и действий «на опережение»: кто больше знает об участниках и условиях, тот и имеет больше вариантов действий для успеха в конкурентных действиях [52-55]. И ценность прогнозов здесь не только в том, что они исполняются, но и в том, что при их подготовке и изучении срабатывает системное мышление: оказываются и расставляются в комплексе части современного, вскрываются их корни в прошлом, проясняются возможности будущих конфигураций, в общем – находятся упущенные шансы и открываются пути их реализации.

Соответственно, методологически точно осуществленный анализ дает неискаженную картину действительности, позволяет достоверно изучать, систематизировать и предусмотреть события (опережающее отображение), а также оптимизировать подготовку конструктивных изменений и влияния в практике информационных воздействий, существенно расширив ресурсные базы воздействия. Кроме того, это позволяет преодолеть угрозы, связанные с учетом лишь некоторой части реальности, и механистическую веру в фатальную заблаговременную предопределенность хода событий. При том

сегодня и рост роли интеллекта в социальной жизни способствует увеличению значения элементов творчества. Одновременно осуществляется переход и от пирамидальных к сетевым формам социальной организации, где (по Дж. Нейсбиту) большим уравнивающим фактором является сама информация, однако дифференцирующим – доступ к ней. Сегодня информационная лавина и доступность мировоззренческого безбрежья обеспечивает новое звучание формуле Гераклита «многознание уму не научает»: получить доступ ко многим разным сведениям несложно, однако растет ценность способности созидать, а также одаренности, базовых знаний и методологии, которые позволяют отобрать индикаторы. Соответственно, для успешного проведения стратегий необходимо обеспечить скорость и объем получения объективной информации. Но Интернет не только предоставляет море информации и помогает идентификации первоисточников. Он также обостряет проблему информационного шума и отбора нужного, облегчает подтасовку фактов под нужный ряд, особенно – когда «и сам обманываться рад».

Методология стратегических воздействий значимо трансформируется с изменением общества и его составляющих. Однако, устаревание в этих условиях прежних организационных схем и необходимость отказа от предубеждений вовсе не означают, разумеется, отказа от проектной деятельности как таковой, в том числе при оптимизации информационного влияния на население. Вместе с тем, при оценке возможностей применения методологии все время приходится учитывать подвижность общественных ожиданий. Впрочем, и социальные роли ныне зачастую формируются в процессах, где присутствует широкий диапазон нерутинных заданий и нет постоянства процедур. Изучение же комбинаций виртуальной среды групп населения позволяет в свернутом, символическом (и при этом также интуитивно воспринимающемся) виде представить сложные реальные процессы так, чтобы их параметры были доступными и для визуального анализа.

При создании стратегии важно исследовательское движение к пониманию процесса обогащать знанием возможностей практического учета особенностей момента. То есть с точки зрения методологии, вовлечение в анализ максимально широкого круга явлений с определением их верного соотношения, специфики и функций каждого из них предусматривает восхождение от абстрактного к конкретному. И осуществляется оно не с внешним дополнением его последующей стадией обратного движения (от конкретного к абстрактному), а при включении в каждый его момент особенностей

последнего. Вместе с тем, развитие научной теории и практики тесно взаимосвязаны. Причем требования к качеству их взаимообогащения усиливаются, а роль научного уровня подготовки влияния для трансформации действительности повышается. Дополнительная же актуальность анализа возможностей потенциала науки при этом связана как с усилением объективного запроса практики (в частности, заданиями изобретений непрерывных организационных находок, креатива), так и со спецификой постсовременной методологии, которая, с одной стороны, пытается интегрировать принципиально разнородные научные подходы, с другой, – должна сохранить отличие рациональных путей построения стратегий (и, в частности, информационных воздействий в ее рамках) от «замыливания глаз» апелляцией к непознаваемым практикам, нечеловеческим влияниям и прочим вариантам мошенничества.

Однако, легко выдать намеренное жульничество или безграмотность за инноватику либо применение нетрадиционных подходов сегодня, когда представители Франкфуртской школы объявили науку разновидностью идеологии. Например, известный специалист по методологии науки П. Фейерабенд в труде «Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания» замечает, что, поскольку наука превратилась в средство манипулирования, человеку надлежит освободиться от «научного гнета».

По наблюдению другого метра методологии науки Ж.-Ф. Лиотара, в большинстве ведущих стран мира складывается ситуация, для которой характерным является формирование иллюзии утраты ведущей роли рациональности в культуре. Следовательно, в своих крайних формах критики бритвы Оккама, научного знания и научной методологии доходят даже до их полного возражения и дополнительно связывают это самое со спецификой времени. Следовательно, идет речь о большей подвижности, размытости критериев и пределов научности методологического знания сегодня. В отличие от науки классической, резко разделявшей ум и интуицию, рациональное и иррациональное, теоретическое и эмпирическое, научное и повседневное, постнеклассическая наука настроена на восприятие и работу со стохастической, катастрофической, слабопрогнозируемой и малоуправляемой, парадоксальной информацией о ситуации, которая часто имеет нелинейный характер, соединяющий процессы циклические и нециклические. Впрочем, апелляции к следованию эмпирике и к «передовым интерпретациям» методологии могут скрывать как невежество, так и попытки манипуляции.

В этой ситуации критично важным может быть поддержание баланса между использованием научно-методологических инноваций, выводящих за пределы стандартных воззрений, а, с другой, – сохранением достоверности рекомендаций практике. Соответственно, изменение общественных идеалов с позиций ценностного измерения бытия, культивирование многообразия мировоззрения, открытости сознания сработали как определенная интеллектуальная предпосылка нового вхождения в общественную жизнь разнообразных иррациональных факторов.

Соответственно, возможности рациональности – структуры со своими особенностями и законами, диктующими некоторые элементы метода познания и использования превращенных форм – сейчас для использования в социальных технологиях трансформации вдвойне ограничены: и как таковой, и в условиях ризомичности развития. Отсюда – принципиальная локализация рационально организованного мышления и конструирование действительности, его явное самоограничение. Поэтому сегодняшняя практика пытается интегрировать методы рациональные и иррациональные. Однако именно условия, которые в настоящее время создались, подталкивают к широкому жонглированию общественным мнением и созданию популярных политических спекуляций. Так, важно различать используемые по принципу «черного ящика» (неотчетливые, но действенные) пути решения проблем и зыбкую смесь достоверного с иллюзорным: если на первое можно опираться, то второе заведомо является ненадежным.

При этом создана возможность более гибкого и мягкого отражения в стратегии на наличие аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур. Закрепляются принципиально разнородные структуры. Внутренние ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно небольших групп приобретают звучание на макроуровнях, а то и агрессивно навязываются всем. Многие социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и уходящих фактов.

Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает свои культурные миры, где есть место всем. Творчество становится не только идеально всеобщим, но и реально всеобщим процессом. Между тем, период «бури и натиска» повсеместно делал характерными, привычными и общими технологии администрирования и жесткого

управления-насилия. Цивилизации выросли на идеях жесткой утопической социальной инженерии, которые заложены Платоном и Руссо, Марксом и Вольтером и предусматривают, что все полезные институты вроде бы оказываются результатом целеустремленного и осознанного конструирования. Этот подход когда-то достаточно полно выразил крупный советский селекционер Иван Мичурин в максиме: «Мы не можем ожидать милостей от природы. Взять их – наша задача». Причем анализ многих событий подтверждает: дополнительный груз проблем часто возникает из стремления слома цикла, насильственного перехода в новое качество. Вспомним: «природа – не храм, а мастерская», «когда враг не сдастся»...

Для общества индустриального порой это было оправдано и нормативно. Другое дело – время глобальной трансформации, прорастания блоков постсовременности, фиксации хозяйственных систем до-, пост- и собственно индустриальных в одном временном пространстве. На передний план выходят процессы, которые жестко не детерминируются принципиально. Ими нельзя управлять вообще. Или регуляция ограничена. От известных катаклизмов эпохи (где причины, кто кукловод?) к производственным совещаниям и принятию решений (процесс и структура контролируют участников). Так, в соответствии с анализом Фридриха Августа фон Хайека, дело – в рассеянности знания и опыта, которые принципиально не централизуемы (в отличие от власти). При этом воплощается знание не столько в фактах, сколько в привычках и традициях, навыках и интуиции, передаваясь при взаимодействии людей.

Решения диктует преимущественно подсознание, сознание часто лишь рационализирует принятое решение. Потому обеспечение укоренённости изменений достигается созданием новых, открывающих простор развитию форм сложившихся традиций при опоре на тенденции общецивилизационные, трансформацию и учет существующей социальной памяти народа. Человек, общество, хозяйство – феномены органические, а не механические. Следовательно, их нельзя описывать исключительно в терминах материальных интересов и эгоистического выбора, и этнос часто выступает при социальных переменах как самостоятельная недробимая хозяйственная величина с собственными задачами, волей, привычками. Человек сегодня живет среди представлений, рождаемых сонмом цивилизаций, социокультурных стилистик, сведенных в культурные миры. Хотя процессы социально-экономические, социальнополитические и технологические проходят идентичные

изменения, тем не менее, их фазы, зачастую, не совпадают хронологически.

Механистическая наука изображала биосоциальные процессы как уникальное явление противодействия второму закону термодинамики. В целом же предполагалось абсолютное доминирование тенденции к росту случайности и энтропии. Выявление периодов цикла позволило перейти к более конструктивному изображению биосоциальной динамики. Теперь объединительный принцип можно усмотреть скорее не в стабильном состоянии, а в динамизме неуравновешенных систем, «стабильной нестабильности». Именно открытые системы всех уровней – носители всеобщей эволюции, обеспечивающие приобретение все более новых динамических режимов сложности. Причем сам механизм этих изменений становится все более причудливым, сложным. Причиной и условием саморазвития структурированных целостностей выступает нарастание их неустойчивости на уровнях более высокой организации и компенсация этого через ускорение функционирования и развития. Механизм саморазвития дает возможность подходить к циклу как к определенной инварианте ступеней (в т. ч. – ступеней неупорядоченности). В целом эволюция трактуется как многоаспектная коэволюция (сопряженная эволюция), как закономерный естественноисторический процесс, названный Э. Янчем «универсальной разворачиваемостью», направляемой диалектическим взаимодействием двух начал [56, 307]. Особое место в совершенствовании эволюционирующих систем стратегии занимает функция автопоэзиса (autopoiesis), означающая способность к самовоспроизводству и сохранению автономии по отношению к окружающей среде. Противоположность автопоэтическим системам представляет «allopoietic sistem», например машина, функционирование которой задается извне.

Эффективной методологией создания и осуществления стратегий в этой ситуации становится отнюдь не попытка культуртрегерского переноса чужих шаблонов, «модернизации насильно» (результаты которой заведомо затратны, непрочны и сметаются ходом истории в дальнейшем), а подбор прогрессивных форм имеющимся привычкам и традициям, «вписывание» их в контекст перемен. Вместе с тем, опыт убедительно доказывает, что гораздо продуктивнее не пытаться переломить ситуацию, идя вразрез с объективными процессами, а использовать их энергетику в свою пользу. Давно известно: чтобы заставить кого-то поступать соответственно своим желаниям, действовать в своих интересах, его можно попросить, заставить – или манипулировать им, заинтересовав в нужном поведении (действию

или бездеятельности), досказать привлекательность этих поступков. Таким образом, оптимальной является методология, нацеленная на использовании ведущих мировоззренческих установок человека, при которой за счет близости к системообразующим ценностных и смысловым подходам информационное влияние способно преодолевать барьеры критичности и запускать самоубеждение. При этом зачастую выигрыш – следствие именно преодоления искусственных ограничений и творческого использования конкретной специфики обстоятельств противоборства.

Поэтому при подготовке трансформаций нужно помнить: бессмысленно пытаться выстраивать стратегии на противостоянии внутренней логике событий. Жизнь все равно будет течь в свойственном ей направлении. Нужно не мешать ей, а убирать преграды на ее пути – и готовить выгодные русла событий. Другими словами, стимулирование желаемых трансформаций (в поведении, отношениях, процессах), а не попытки «вести намеренно и неумеренно» путем директивного управления (требования действовать лишь так, как определено), становится наиболее эффективным направлением управленческого влияния. Разграничение методологии утопической и поэлементной социальной технологии открывает перспективы определения реальных пределов возможностей административных, экономических и социальных решений в общественном организме.

Но именно выявление пределов и является гарантией способности в их рамках достигать позитивных эффектов – в сохранении нормативного качества или направленного наращиванию желательных свойств и состояний. Безусловно, техники таких изменений существовали и совершенствовались достаточно долго, однако именно сейчас они органически базируются на особенностях настоящего и имеют дополнительную высокую социальную эффективность. Они учитывают сущностные силы человека (в первую очередь – интересы и мотивы), при необходимости их трансформируя. К тому же, чуждые (враждебные) ресурсы при этом не ликвидируются, а превращаются в собственные, полезные. То есть варианты социального действия на основе этой методологии заведомо более продуктивны.

Таким образом, эпоха создает условия расширения диапазона ресурсных баз и изменения методологии использования стратегий, которые ориентированы не столько на участие в изнурительном информационном противоборстве и «контрпропаганде», сколько на взаимодействие в потоке событий, где каждый не имеет полноты информации и зависит от действий других акторов.

Конфронтационное настроение помогает формированию и закреплению в ответ также враждебной реакции, требует дополнительных усилий для навязывания своей стратегии; действие порождает противодействие. Таким образом, трансформируются воображения относительно войны, ее форм и их целесообразности. Вооруженное противостояние вообще перестает быть существенной чертой войны, тем более – эффективным методом борьбы. Вообще если вас удалось втянуть в состояние войны, значит, вы уже проиграли, приобретает в нынешних условиях особенное значение. Выигрыш – за «наблюдателем», «организатором», который вмешивается и определяющим образом влияет на процессы, отношения, поведение людей. Соответственно, мастерство сценарного планирования в создании управленческих композиций должно обеспечить и оптимизацию использования имеющейся ресурсной базы, и подстраховку (замещение) недоброкачественных, а также выходящих из строя ее элементов. Поэтому гибкость, пластичность – необходимость обеспечения миссии в высокоизменчивых условиях социальной эклектики. При создании стратегий информационных воздействий, в частности, важно понимать, что трансформация мнений может строиться по принципу сконцентрированных или рассеянных, эволюционных либо революционных изменений, системных или фрагментарных, целенаправленных или хаотично-случайных, долговременных или краткосрочных, содержательных или формальных, доверительных или манипулятивных.

Использование разнонаправленных сил и возможностей может предусматривать ориентацию на гибкое сочетание ресурсов социальной действительности и механизмов мягкой и жесткой власти в рамках «smart power» (разумной власти) с использованием диапазона воздействий, прямо не направленных исключительно на борьбу за голоса. В этой ситуации для успешного проведения своей очередной модернизации и эффективного использования социального творчества как ее важнейшего фактора, регион должен культивировать механизмы не «обязывать», а увлекать, заинтересовывать. Соответственно, для организации форм информационной активности необходимо определиться с ее направленностью, каналами, объектами и субъектами. В этой ситуации для успеха избирательных кампаний каждый раз требуется новый проект; люди, готовые к участию в нем; соответствующая организационная структура.

Необходимость перехода от привычного ранее администрирования к инновационно-синергетическому управлению ведет при этом к замене «жестких» социальных технологий «мягкими». «Мягкое» же

влияние предполагает признание субъективности, неполноты и внутренней ограниченности представлений каждого. При этом даже ситуативное влияние, основанное на реакции на общественные перемены, которые нельзя было предусмотреть, в своем существе содержит подготовленные модели воздействия.

Дальнейшее развертывание этого направление предполагает как углубление компаративных исследований в сфере соотношения стратегии, тактики и оперативного искусства, так и их особенностей в различных сферах, ныне, прежде всего, – социальном срезе информационной конкуренции.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Андрущенко В. П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть. Досвід соціально-філософського аналізу. – К. : АтлантЮЕмСі, 2006. – 498 с.
2. Бех В. П. Генезис соціального організму країни. – 2-е. вид., доп. – Запоріжжя : Просвіта, 2000. – 288 с.
3. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 4–24.
4. Антипов А. Г. О путях инновационной модернизации экономики и общества // Проблемы инновационного развития территории: междисциплинарный подход: Матер. Всероссийской с междунар. участием науч.-практ. конф. – Пермь, 2012. – Ч. 1. – С. 11-23.
5. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М. : Мир, 1982. – 224 с.
6. Ашкеров А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М. : Европа, 2009. – 132 с.
7. Патъял Р. Принципы войны: необходимость переосмысления [Электронный ресурс] // Геополитика. Вып. XXI. Война. – 2013. – С. 35-44. – Режим доступа : <http://www.geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#.U11jb9KzI68>.
8. Шедяков В. Є. Процеси суспільного розвитку як об'єкт стратегічного управління (на прикладі промислових відносин) // Гілея. – 2012. – Вип. 66. – С. 647-653.
9. Шедяков В. Е. К характеристике системных основ регионального и межрегионального информационного взаимодействия в контексте мирового исторического процесса // Проблемы инновационного развития территории: междисциплинарный подход: Матер. Всероссийской с междунар. участием науч.-практ. конф. / [Редкол.: А. М. Елохов, В. Ю. Черных, В. Е. Шедяков и др.] – Пермь, 2012. – Ч. 1. – С. 180–203.

10. Бергер Дж. Сунь Цзы и Клаузевиц: кто более релевантен современной войне [Электронный ресурс] // Геополитика. Вып. XXI. Война. – 2013. – С. 63-71. – Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#.U11jb9KzI68>.
11. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. – М. : Ин-т Гайдара, 2011. – 472 с.
12. Шедяков В. Є. Ресурсний потенціал методології: піар в соціальному просторі // Розбудова іміджу інститутів сектору безпеки України: *vigibus unitis* / Колект. монографія. – К.; Женева; Луганськ : Янтар, 2013. – С. 76-117.
13. Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов [Электронный ресурс] // Геополитика. Вып. XXI. Война. – 2013. – С. 45-62. – Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#.U11jb9KzI68>.
14. Томпсон А. А. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / А. А. Томпсон, А. Дж. Стрикленд. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.
15. Диксон П. Бизнес-тренды: Стратегическое моделирование будущего. – М. : Эксмо, 2005. – 480 с.
16. Печчи А. Человеческие качества. Гл. 6. Новые стратегии, новый порядок – каковы же цели? – М. : Прогресс, 1985. – 2-е изд. – С. 164-209.
17. Шедяков В. Є. Стратегія вибору [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua-ekonomist.com/3373-strategya-viboru.html>.
18. Шедяков В. Є. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління // Політичний менеджмент. – 2013. – № 1-2 (57-58). – С. 42-51.
19. Шедяков В. Є. Управління суспільними процесами: методологічні можливості й обмеження // Соціальна психологія. – 2013. – № 55. – С. 157-166.
20. Шедяков В. Е. Организация экономического пространства и социальных коммуникаций: к вопросу о стратегии развития общества // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Березники, 1997. – С. 122-125.
21. Шедяков В. Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира // Гілея. – 2013. – № 76 (№ 9). – С. 190-194.
22. Шедяков В. Е. Информационные воздействия в периоды избирательных кампаний Украины (1991-2012): стратегии,

- технологии, инновации / В. Е. Шедяков, Д. Д. Попов, Л. Ф. Гаврилова [общ. ред. П. Д. Морозова]. – К. : «Преса України», 2012. – 152 с.
23. *Шедяков В. Є.* Стимулювання бажаних трансформацій у системі соціальних технологій здійснення інформаційних впливів // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2009. – № 2 (5). – С. 82-86.
 24. *Шедяков В. Є.* Інформаційні технології в епоху інформації: можливості ефективних управлінських впливів на характер соціального та індивідуального діалогу в світових комунікаціях // Політологічний вісник. – 2010. – Вип. 47. – С. 240-249.
 25. *Шедяков В. Є.* Використання крайною діапазону можливостей інформаційної сфери при глобальному переході до шостого технологічного укладу // Політологічний вісник. – 2010. – Вип. 50. – С. 128-138.
 26. *Шедяков В. Є.* Можливості використання специфіки інформаційної взаємодії соціальних систем та безсистемних цілісностей // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 1 (7). – С. 79-84.
 27. *Шедяков В. Є.* Організація асиметричних впливів інформаційних систем // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 2 (8). – С. 71-75.
 28. *Шедяков В. Є.* Можливості ефективної організації та стимулювання бажаних трансформацій // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – 2010. – Вип. 19. – С. 327-338.
 29. *Шедяков В. Є.* Робота з реальністю при організації міжсистемних інформаційних потоків // Політичний менеджмент. – 2011. – № 4 (49). – С. 37-45.
 30. *Шедяков В. Є.* Хибні соціальні величини в інформаційних обмінах постсучасності // Соціальна психологія. – 2011. – № 4 (48). – С. 106-114.
 31. *Шедяков В. Є.* Стимулювання бажаних трансформацій шляхом інформаційних впливів в умовах постсучасності // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2009. – № 1 (4). – С. 65-71.
 32. *Шедяков В. Є.* Мегaproект як умова існування країни // Політичний менеджмент. – 2012. – № 1-2. – С. 50-60.
 33. *Шедяков В. Є.* Боротьба смислів і протистояння стратегій: регіонально-цивілізаційний вимір // Політичний менеджмент. – 2012. – № 3. – С. 31-42.
 34. *Шедяков В. Е.* Социализация молодежи и молодежная политика: использование возможностей ценностно-смысловых конструкций для стимулирования желательных поведенческих изменений // Молодежное движение: исторический опыт и проблемы: Материалы Всерос. с межд. участием науч.-практ. конф. – Пермь, 2013. – С. 223-231.

35. *Шедяков В. Е.* Актуализация ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции // Государство и общество в современной политике: Сборник статей. Выпуск 1. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 158-168.
36. *Шедяков В. С.* ЦСК в атаці та в обороні [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/3835-csk-v-atac-ta-v-oboron.html>.
37. *Шедяков В. С.* Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади // Гілея. – 2013. – № 72 (5). – С. 781-787.
38. *Шедяков В. С.* Діагностика постсучасного міфу // Політичний менеджмент. – 2010. – № 2 (41). – С. 17-28.
39. *Шедяков В. С.* Використання міфологічних конструкцій в інформаційному впливі: можливості та обмеження // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 65. – С. 422-433.
40. *Шедяков В. С.* Ренесанс міфу в соціокультурному середовищі розвитку // Гілея. – 2012. – Вип. 67. – С. 526-531.
41. *Шедяков В. Е.* Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции // Публичное управление: теория и практика. Сб. науч. работ. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 263-272.
42. *Шедяков В. С.* Міфічність розвитку contra використання міфу з метою розвитку // Мультиверсум. – 2013. – № 3 (121). – С. 21-30.
43. *Шедяков В. С.* Аксиологія постсучасного міфу як чинник[фактор] соціокультурного антропогенезу // Сучасна українська політика. – 2013. – Вип. 28. – С. 348-358.
44. *Шедяков В. Е.* Миф постсовременности: препятствие или помощь развитию общества? // Эффективность функционирования и развития региона как социально-экономической системы: модернизация подходов, методов, инструментов управления: Матер. Междунар. заочн. науч.-практ. конф. – Пермь, 2013. – С. 539-549.
45. *Шедяков В. Е.* Стратегическое управление в региональной хозяйственной политике // Региональное развитие Украины: проблемы и перспективы: Тез. Междунар. науч.-практ. семинара. – Харьков, 1995. – С. 10-14.
46. *Шедяков В. Е.* Стратегическое управление в мобилизационной хозяйственной политике: международный аспект // Проблемы социализации личности в период экономической нестабильности: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Березники, 1999. – С. 41-45.
47. *Шедяков В. С.* Якість соціального управління як чинник національної безпеки // Стратегічна панорама. – 2009. – № 1. – С. 39-43.
48. *Шедяков В. С.* Стратегічне управління модернізацією соціальних відносин // Соціальна психологія. – 2009. – № 1 (33). – С. 85-92.

49. *Шедяков В. Є.* Стратегічне управління модернізацією країни: межі, можливості, оптимізація впливів // Політичний менеджмент. – 2011. – № 2 (47). – С. 44-53.
50. *Шедяков В. Є.* Роль антикризового регулювання у стратегії захисту інтересів суспільства // Соціальна психологія. – 2009. – № 3 (35). – С. 13-23.
51. *Шедяков В. Є.* Можливості рефлексивної модернізації соціальної організації трудових відносин в Україні // Соціальна психологія. – 2009. – № 6 (38). – С. 69-78.
52. *Шедяков В. Е.* Культурно-цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 46-66.
53. *Шедяков В. Є.* Стратегічна конкуренція макрорегіонів і стимулювання бажаних трансформацій // Віче. – 2012. – № 22 (331). – С. 30-32.
54. *Шедяков В. Е.* Обеспечение качественного стратегического управления региональным развитием в общем контексте глобальной конкурентной борьбы // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Березники, 2011. – С. 6-12.
55. *Шедяков В. Е.* Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50-73.
56. *Jantsch E.* The Self-organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. – N. Y., Oxford: Pergamon, 1980. – 343 p.

Шедяков В. Є. Стратегія постсучасної взаємодії: методологія і ресурсна база подальшого вдосконалення.

Проаналізовані тенденції подальшого вдосконалення управлінських композицій під впливом змін у стратегії вибору, отже – перспектив та загроз системного та кризового менеджменту. Охарактеризовані роль та можливості стратегій в контексті процесів модернізації України. Розглядані актуальні питання організації та стимулювання бажаних змін.

Ключові слова: стратегія, рішення, вибір, управління, інформаційний вплив.

Shedyakov V. E. The strategy of post-modern interaction: methodology and resource base of the further perfection.

The trends of the further perfection of administrative compositions under the influence of changes in the strategy of choice, therefore, opportunities and threats in the system and crisis management are analysed. Role and possibilities of the strategies in the context of the processes of modernization of Ukraine are characterized. Actual questions of organization and stimulation of desired changes are seemed.

Keywords: strategy, decision, choice, management, informational influence.

Коноваленко Н. В.

СОЦІАЛЬНА КОМУНІКАЦІЯ ЯК ЧИННИК СУЧАСНОЇ ІНФОРМАЦІЙНОЇ КУЛЬТУРИ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГІЧНИЙ КОНТЕКСТ

У статті проаналізовано теоретико-методологічний контекст соціальної комунікації, яка розглядається з різних парадигмальних позицій і визначається як чинник сучасної інформаційної культури.

Ключові слова: соціальна комунікація, моделі соціальної комунікації, інформація, сучасна інформаційна культура, інформаційний простір, інформаційна взаємодія.

Комунікація є однією з фундаментальних категорій у теоретичній рефлексії соціальних і філософських дискурсів сучасності. Підґрунтям дослідження цього концепту є досягнення різних наук: філософії, культурології, соціології, психології, лінгвістики, семіотики і т. ін. Різноманітність наукових підходів до пояснення комунікативних процесів обумовлена тим, що сутність означеного феномену пов'язана з явищами культурного, семіотичного та психологічного порядку.

У сучасній філософії концепт комунікації використовується як ознака конструктивної взаємодії особистостей, соціальних груп, націй та етносів, яка розгортається на основі толерантності й порозуміння. Це поняття часто використовується у працях К. Ясперса, а також у сучасній німецькій практичній філософії (Апель, Больнов, Габермас), яка отримала назву «комунікативної».

Осмислення комунікації у європейському філософсько-культурологічному дискурсі свідчить про те, що проблема соціальної комунікації змінювала свій предмет від епохи до епохи, а з розвитком науки та техніки з'являються її нові форми. Домінуючою стає публічна, опосередкована комунікація, що витісняє безпосередню, усну [5, 65].

Існуючі концепції комунікації відштовхуються від різного розуміння сутності та еволюції соціальної системи. Це, по-перше, концепція К.-О. Апеля та Ю. Габермаса, яка базується на розумінні сутності сучасного суспільства у контексті подальшого розвитку настанов Модерну. По-друге, концепція Н. Лумана, що побудована на системно-феноменологічних засадах осмислення суспільства та